

О ДВУХ НАДПИСЯХ ПОЛЬСКИХ АРМЯН ИЗ ГОРОДА ЗАМОСТЬЕ

ЭДВАРД ТРЫЯРСКИ (Варшава)

Надписи, помещаемые в жилых домах и имеющие вид девизов, максим, цитат и т. п., известны у многих народов. Они занимают значительное место и в армянской традиции¹. Неудивительно, что эти надписи встречаются также у польских и украинских армян, как проявление старинного обычая, привезенного из далекой родной страны. Эта народная армянская традиция скрестилась с похожим по форме и близким по содержанию местным славянским, а в частности польским, обычаем.

Как пишет З. Глогер, «в Польше существовал обычай размещать иногда на воротах, помещичьих усадьбах, дверях, балконах и тому подобных местах надписи, например моральные максимы, религиозные кредо, девизы и т. п. Кажется, самая древняя из таких польских надписей, датированная 1544 годом, была найдена проф. Вл. Луцевским на торжественной доске ежовской усадьбы в карпатском предгорье»². Такого типа надписи размещались на главном бруске или перекладине, причем они представляли собой или самостоятельные декоративные мотивы, или фрагменты других украшений на потолках в дворах, дворцах, а также в шляхетских усадьбах. В этих последних потолок не был гладко оштукатурен, но имел балочное перекрытие, опирающееся более на украшенную перекладину плотничьей работы, на которой мастер вырезал или дату постройки, или какой-то моральный девиз, или же доморослый, естественный орнамент с гербом помещика³.

Как следует из кадастровых книг и списков городского имущества, эти дома довольно часто меняли своих собственников. В связи с этим, а также под влиянием моды и нового стиля жизни комнаты подвергались переделкам, а надписи нередко покрывались слоями штукатурки или краски.

Поскольку надписи, являющиеся предметом данного сообщения, происходят из Замостья⁴, нелишним будет напомнить, что армянские

¹ Большое значение различного рода надписей в культуре древней Армении ярко показывает *Corpus Inscriptionum Armenicarum* (I, сост. Н. А. Орбели, II и III сост. С. Г. Бархударян). Эпиграфические материалы польских и украинских армян собирал Я. Болоз-Антонович. Часть этих материалов он передал для расшифровки и публикации Ф. Мюллеру (см. Я. Р. Дашкевич. Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XV—XIX веков, Ереван, 1962, стр. 161 и 162, прим. 231).

² Z. Gloger. *Encyklopedia Staropolska ilustrowana*, Warszawa, 1958, стр. 253—254.

³ Ср. W. Lozinski. *Życie polskie w dawnych wiekach*, Krakow, 1958, стр. 22 и 23.

⁴ По реестру 1669 г. в Замостье было в это время 29 армянских домов. Все они принадлежали купцам (см. M. Zakrzewska-Dubasowa. *Ormianie zamojscy*).

каменные дома в этом городе, известные своей прекрасной архитектурой и богатством украшений (рис. 1, 2, 3), уже более десяти лет являются предметом подробного исследования, описания и реконструкции, которые производятся польскими историками искусства и хранителями памятников. Именно в результате этих работ, направленных на охрану уникальных памятников польских армян, обнаружены вышеупомянутые надписи.

Рис. 1.

Имеющие архитектурную привлекательность и богато украшенные внутри (рис. 4) дома замойских армян состояли из нескольких этажей. Самым главным и самым обширным помещением была столовая, а затем светлица или гостиная (по-польски в более позднее время называемая «bawialnia»). Можно предполагать, что именно эти комнаты, а может быть, также и спальня, украшались надписями. Конструктивной базой для свода служили в этих комнатах видимые изнутри балки потолка, обыкновенно сделанные из лиственницы и поддерживаемые перекладиной. Именно на ней размещались главные украшения, а также даты и надписи, часто религиозного содержания. О характере такого комплекса украшений говорит фотоснимок фрагмента балочного перекрытия в самом богатом армянском доме в Замостье на Большом Рын-

ich rola w wymianie handlowej i kulturalnej między Polską i Wschodem. Rozprawa habilitacyjna, Lublin, 1965, стр. 237). О характере и происхождении орнаментов на этих домах см. P. Bohdziewicz, Zagadnienie orientalizacji ornamentu w architekturze polskiej doby renesansu, „Roczniki Humanistyczne”, IV, 1953, 4, стр. 157–197.

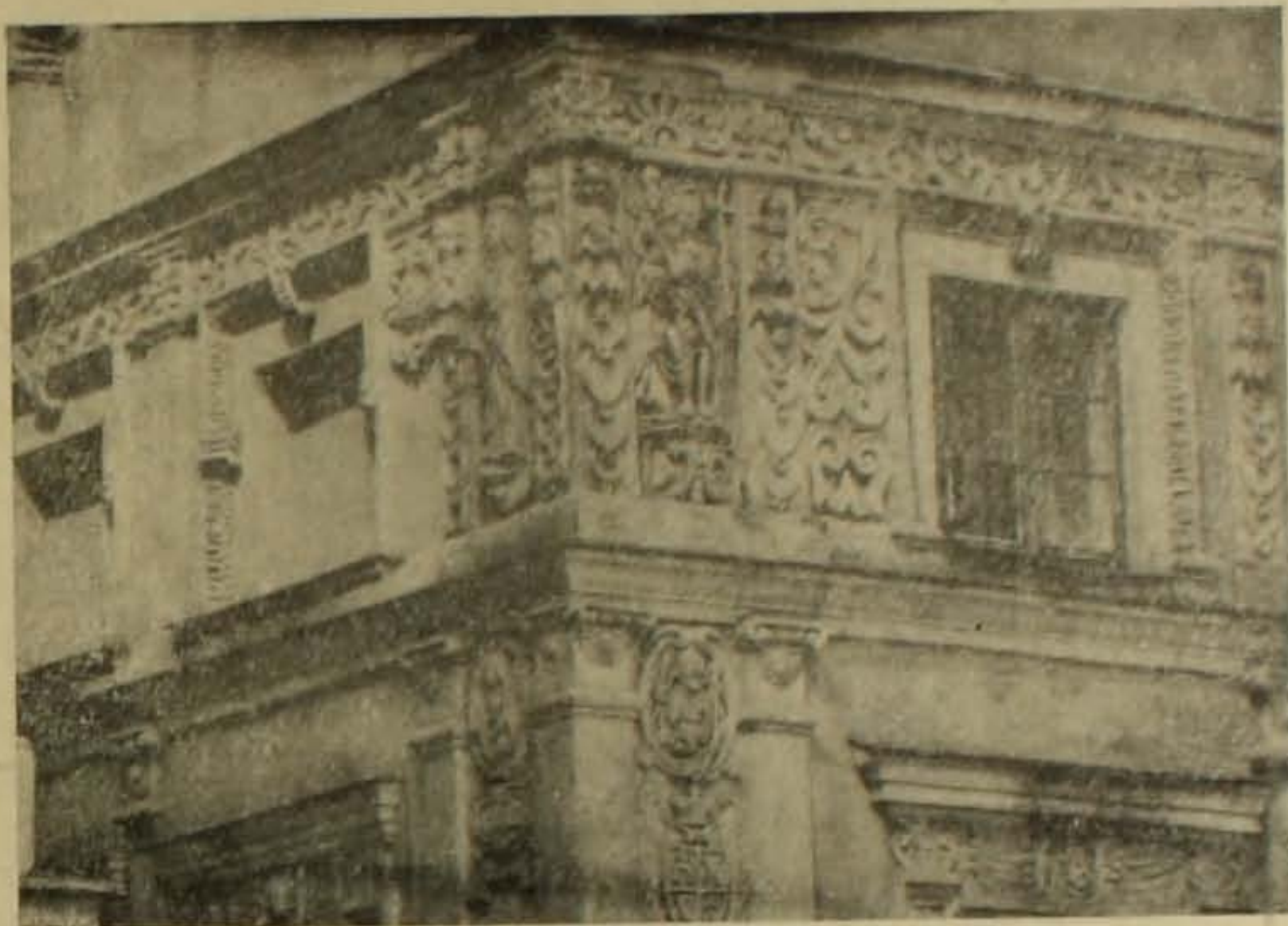

Рис. 2.

Рис. 3.

ке (пл. А. Мицкевича), обозначенном № 26 (рис. 5). На балках (все они профилированные) видны высеченные в дереве украшения в виде розет с геометрическими мотивами, а также дата, вероятно, окончания постройки — «A. D. 1634». На перекладине — переплетенные инициалы «DF» и «DD».

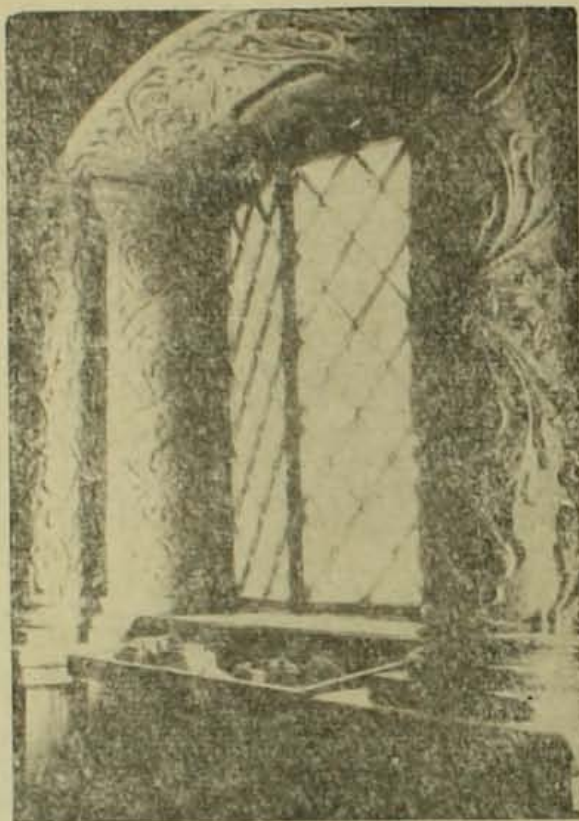

Рис. 4.

Сложное языковое положение в колониях польских армян⁵ явилось причиной того, что подобные надписи составлялись на нескольких языках — в зависимости от языка, являющегося самым близким владельцу дома или квартиранту (что прямо связывалось со степенью их полонизирования), или, несомненно, таких элементов, как мода, предложение, сделанное мастером-резчиком и т. д. Что касается замойских армян, они пользовались, как известно⁶, собственным разговорным языком, вместе с которым употреблялся, главным образом в литургии, гра-

⁵ E. Tryjarski. Ze studiów nad rękopisami i dialektem kipczańskim Ormian polskich, I. O ogólnej sytuacji językowej w gminach Ormian polskich..., „Rocznik Orientalistyczny”, XXIII, 2, 1960, стр. 7—30.

⁶ Ср. Э. Трыярски. Цит. раб., стр. 19 и сл.; М. Закшевска-Дубасова. Цит. раб., стр. 20—23; E. Schütz. Re-Armenisation and Lexicon. From Armeno-Kipchak back to Armenian, „Acta Orientalia Hungarica”, XIX, 1966, стр. 105: „Родители Симеона эмигрировали однажды, в XVI в., из Кафы в Замостье, где Симеон достиг степени церковного писца (дпира). Язык «Путевых заметок», с одной стороны, чистый грабар в религиозных местах текста, с другой — общеразговорный язык на уровне литературной нормы».

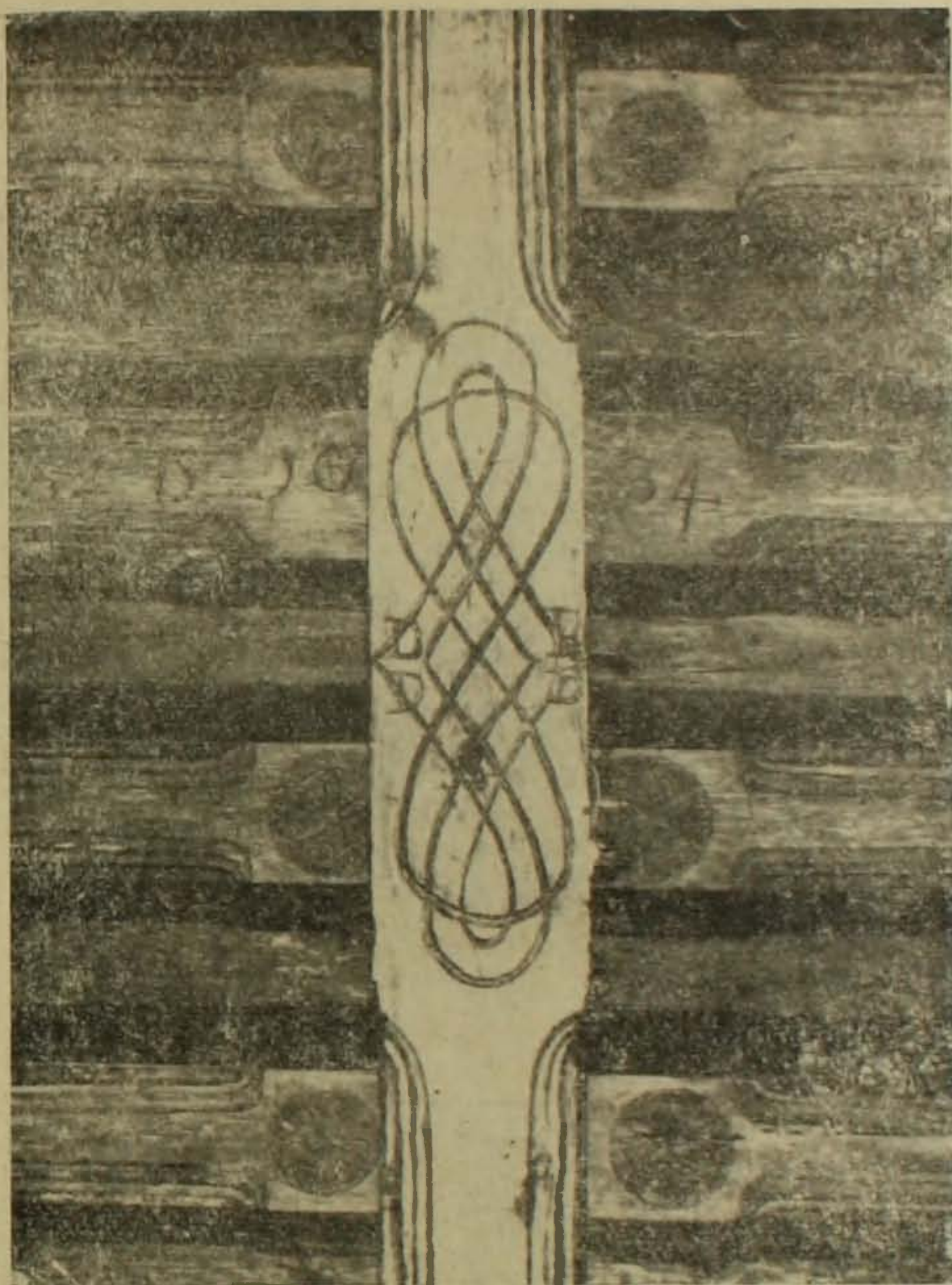

Рис. 5.

бар. В это же время все шире употреблялся польский язык. Именно на армянском и польском языках составлены обе надписи. Сегодня уже известно, что надписи этого типа делались также на армяно-кыпчакском языке⁷.

* * *

Армянская надпись на балконе в доме № 14 на Большом Рынке (пл. А. Мицкевича) обнаружена во время реставрационных работ в 1955—1957 гг. (рис. 6 и 7). Этому открытию посвящено два кратких

⁷ Этому вопросу будет посвящено особое сообщение.

упоминания в книгах документального описания памятников⁸, а также фрагмент печатного сообщения⁹.

Осмотр надписи летом 1970 г. привел нас к следующим выводам. Надпись труднодоступна в результате недостаточного освещения и высоты комнаты. Она написана армянскими буквами и на армянском

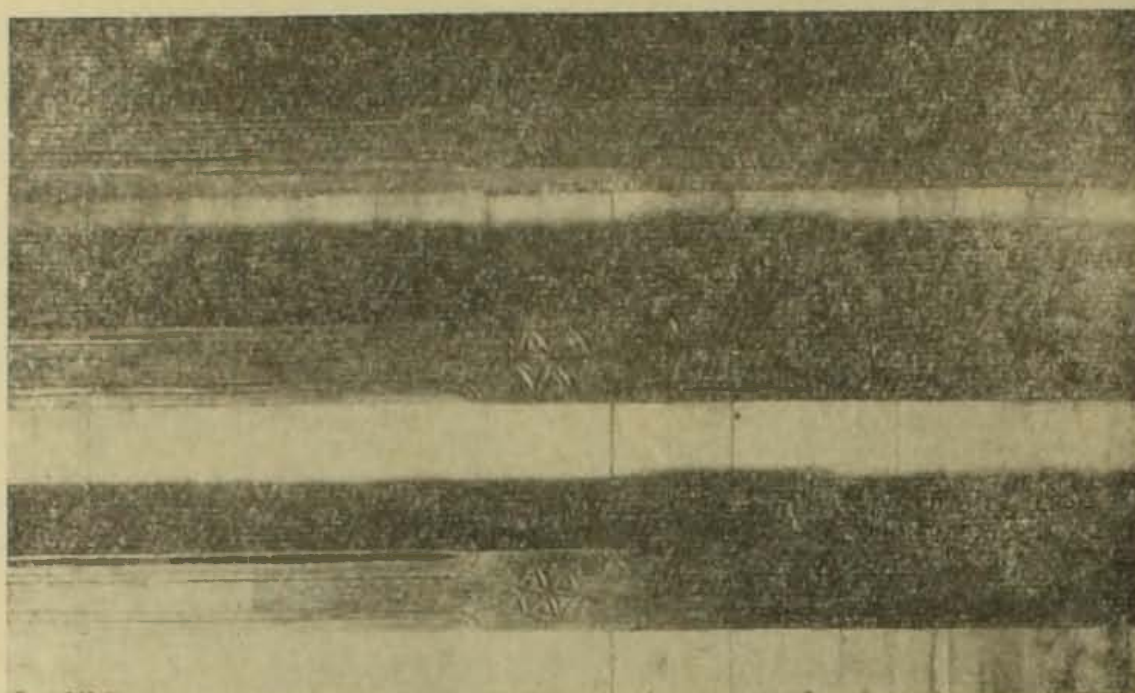
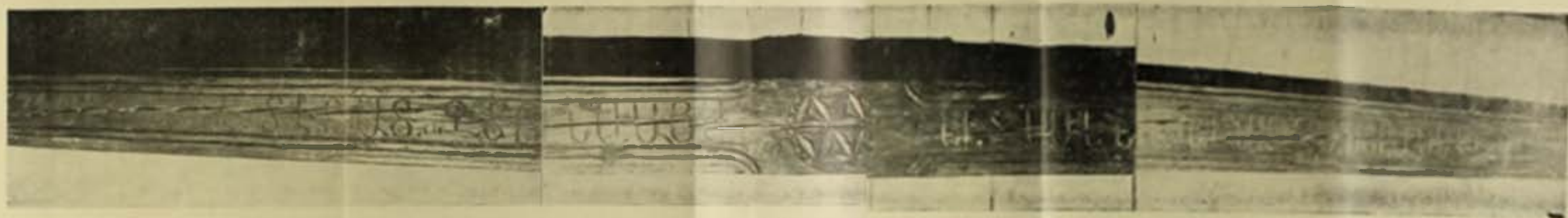

Рис. 6

языке. Несомненно, что технически выполнена очень опытным резчиком, хорошо знакомым со всеми тонкостями армянского шрифта. Надпись содержит 47 букв. Употреблены лишь прописные, согласно традиции армянской эпиграфики. В своем графическом виде буквы не отличаются от общезвестных, но две буквы, а именно *ժ* в сокращении слова *a (stowa)* «бог» и *ջ* в слове *bnakič* «житель» представляют как будто индивидуальный вклад автора надписи. Слова отделяются точками. Вышеупомянутое сокращение обозначено черточкой, по бокам согнутой. В середине надписи — украшение в виде розеты. Высота букв около 7—8 см. Точность надписи, проявляющаяся в гравировке всех букв, заставляет видеть в резчике мастера-армянина.

⁸ Dokumentacja historyczno-konserwatorska bloków mieszkalnych wschodniej pierzei Rynku Wielkiego, opr. H. Sygietynska-Kwoczynska (Pracownia Konserwacji Zabytków. Oddział w Warszawie. Pracownia Dokumentacji Historycznej), Warszawa, 1963, № 51: «За магазином — темное помещение, являющееся подсобным, перекрытое сводом типа колыбели с окном типа люнета. Позади него большое помещение старинной большой комнаты, перекрытое сводом... с тринадцатью балками из лиственницы. Средние три из них украшены мотивами резной розеты. На самой средней балке — надпись на армянском языке».

⁹ H. Gawarecki — Cz. Gawdzik. Odnowienie rynku w Zamościu. Organizacja prac konserwatorskich i odkrycia, „Ochrona zabytków”, 10, 1957. 1(36), стр. 32: «В тыльном проходе партера дома по ул. Мицкевича, 14, после того, как была сорвана драпка, открыты профилированные балки свода. На средней балке резная надпись религиозного содержания на армянском языке».

Page 1

Рис. 8

Надпись гласит:

ՕՐՀՆԵՍԷ. ՏԷՐ ԱՍ. ՉՏՈՒՆՍ. ԱՅՍ ԵՒ ԶԱՄԵՊԱՍՆ
ԲՆԱԿԻՉՍ ՍՈՐԱ. ԱՄԷՆ

или в транскрипции (употребляемой REA):

awrhnesc'ē. tēr a(stowa)c. ztowns. ays ew zamēpac'n
bnakič's sora. amēn

Перевод:

«Да благославит господь этот дом и всех его жителей. Аминь».

Как видно, надпись очень проста по содержанию. Можно думать, что эта индивидуальная, но в каком-то смысле и трафаретная композиция продиктована набожностью (первоначального?) владельца дома, желающего смискать для себя и для своей семьи божью милость и благословение. В этом собственнике дома хотелось бы видеть богатого армянского купца¹⁰.

В лингвистическом отношении надпись не представляет особенных интерпретационных трудностей. Как по ее лексике, так и по грамматическим формам кажется вполне очевидным, что здесь имеем дело с классическим древнеармянским языком — грабаром — без особенностей повседневного разговорного языка польских армян, хорошо известного для района Кут¹¹. Хотя по сокращенному виду слова «бог» трудно судить о его полной форме (Гануш, 2: *astvādz* (древнеарм. *astuac*), (Рошко¹², 1, 291: *Astvaz*), а такие слова, как *town* (Чякчяк, 1395: „casa, abitazione, domicilio...“, Рошко, 1, 292: *dun* „maison“) или *amen* (Чякчяк, 40: *ամենայն* „ogni, tutto“; Рошко, 1, 290, II, 181: *amen* „tout“), встречаются в идентичной форме в обоих видах этого языка, важным признаком может являться указательное местоимение *ays* (Чякчяк, 58: *այս* „questo ta. cotesto“), которое в Кутах появляется (или только произносится?) в форме *as* (Гануш, 54). О том, что место-

¹⁰ Ср. прим. 4.

¹¹ J. Hannusz. O języku Ormian polskich II. Głosownia gwary ormiańskiej w Kutach. „Rozprawy i sprawozdania Wydziału filologicznego Akademii Umiejętności“, XIII, 1889, оттиск, стр. 83 (в дальнейшем: Гануш).

¹² Другие сокращения: K. Roszko. Les contes des Arméniens polonais de Kuty, „Folia Orientalia“, 1, 1959, стр. 274—295 (в дальнейшем: Рошко I); там же, IV, 1962, стр. 171—185 (в дальнейшем: Рошко II). H. Jensen. Altarmenische Grammatik, Heidelberg, 1959 (в дальнейшем: Енсен). Dizionario armeno-italiano composito dal P. E. Stakciak, Venezia, 1837 (в дальнейшем: Чякчяк).

именно *aus* может следовать существительному, пишет Енсен (стр. 163—164). По этому же автору, на второй позиции может также находиться местоимение *soga* („Die Stellung des adjektivischen Pron. pass. ist beliebig“, цит. раб., стр. 80—81). Единственная глагольная форма не позволяет, разумеется, сделать решительного вывода о характере склонения в языке надписи. Употреблено именно 3 лицо единственного числа конъюнктива аориста (активная форма на — *agt*, ср. Енсен, стр. 98).

* * *

Прогрессирующая колонизация польских армян довела, как известно, к постепенной потере их собственного языка. Поэтому не удивительно, что интересующая нас армянская по происхождению надпись начала XVIII в. из Замостья составлена на польском языке (рис. 8; к сожалению, имеем возможность репродуцировать только центральную часть надписи).

Надпись обнаружена около пятнадцати лет тому назад во время работ в жилом квартале Замостья, населенном на протяжении длительного времени армянами. Надпись находится на Армянской улице, в доме № 20, построенном, вероятно, в I пол. XVII в. тогдашним владельцем, армянином по фамилии (имени?) Топал. Об обнаружении надписи (о ее существовании ранее знали местные жители) сделано краткое сообщение¹³.

Обследование оригинала летом 1970 г. подтвердило все детали, описанные в этом сообщении. Комната, в которой находится надпись, принадлежит частной квартире, а осмотр балки показывает, что надпись недавно извлечена из-под слоя извести. На нижней стороне балки имеется розета диаметром в 16 см. Надпись на боковой стороне содержит 55 букв плюс 4 буквы — инициалы. Последняя буква надписи («О») теперь не совсем заметна из-под штукатурки. Форма польских букв нормальная, кроме «t», перечеркнутого не одним штрихом, а двумя скрещенными. Высота букв около 8 см. Как и в армянской надписи «А», употреблены лишь прописные буквы, которые, вероятно, легче высечь.

Надпись гласит:

DOMOWI TEMU Y MIESZKANCOM IEGO BŁOGOSIAW PANE Z
OPATRZENA TWEG(O)

Перевод:

«Этому дому и его жителям благословия, господи, в своем провидении».

Как видно, этот короткий текст ритмичный и рифмованный, но, видимо, он не представляет собой фрагмента большого поэтического произведения, а только искусное (согласно тогдашнему литературному вку-

¹³ Blok mieszkalny ptn. pierzei Rynku Wielkiego w Zamościu, opr. Z. Bałanowska (Pracownie Konserwacji Zabytkow. Oddział Warszawski. Pracownia Dokumentacji Historycznej), Warszawa, 1963, стр. 48: „В тильном проходе большая комната, свод которой поддерживает профилированный сруб из резной розеты с религиозной надписью... и крестиком, между сторонами которого дата 1708 и буквы ZF RZ».

су; сегодня же лучше говорить о примитивной грамматической рифме) молитвенное признание, сочиненное по одновременному случаю. В то же время легко заметить, что, вероятно, это просто перевод или, точнее, переделка такою же типа набожных надписей польских армян на армянском языке, в частности, вышеописанной надписи «А».

Как в отношении орфографии, так и грамматической формы надпись вполне соответствует древнему, но уже совсем развитому, польскому языку, употребляемому в то время во всей Польше и, несомненно, также в Замостье, культивирующем традиции древнего центра польской культуры. Сопоставляя надпись с современным польским языком, можно обратить внимание на «Y», а также «I» в начале родительного падежа личного местоимения «он» (сегодня: *jego*). Обращает на себя внимание отсутствие смягчения „n“ (сегодня: *mieszkancom*, *opatrzenia*). В области лексики одно лишь слово (*opatrzenie*) следует считать архаизмом (сегодня: *opatrznosc*).

Не совсем ясно значение четырех отдельных букв, помещенных с двух сторон высеченного крестика (со сторонами в виде лепестков цветка). Нетрудно предположить, что это инициалы имени и фамилии двух лиц — вероятно, владельца дома и его супруги (ср. также рис. 5). Затруднение заключается в том, что буквы не соответствуют известным нам до сих пор фамилиям владельцев этого дома. Согласно исследованиям реставраторов—историков искусства, этот дом (или строительный участок) принадлежал поочередно следующим лицам: с 1591 г.—Лукашу Кефиновичу, с 1542 г.—Анне Топаловой, с 1657 г.—Топаловой, в 1665—1674 гг.—Дыленговичу, в 1740—1744 гг.—семейству Сероцких. Этот список, может быть, неполный или же, в данном случае, речь идет о поднаимателях, не записанных в ипотечные книги. Во всяком случае, трудно предположить, что инициалы могут принадлежать другим лицам, например, строителям или резчикам.

ԼԵԱՀԱՅԵՐԻ ԵՐԿՈՒ ԱՐՁԱՆԱԴՐՈՒԹՅՈՒՆ

ԶԱՄՈՍՏՅԵ ՔԱՂԱՔԻՑ

ԷԴՎԱՐԴ ՏՐԻՅԱՐՍԿԻ (Վարչավա)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

1955—1957 թթ. Լեհաստանի Զամոստյե քաղաքի հայկական թաղամասի տներինց մեկի պատշգամբի գերանի վրա հաւորնաբերվել է հայերեն ներքոհիշյալ արձանագրությունը. «ՕՐՀՆԵՍՅԷ ՏԷՐ ԱՍՏՈՒԱԾ ԶՏՈՒՆՍ ԱՅՍ ԵՒ ԶԱՄԵՆԱՅՆ ԲՆԱԿԻԶ ՍՈՐԱ. ԱՄԷՆ»: Դրանից ափսոսանքով վաղ այդ թաղամասում գտնվել էր համարյա նույն բովանդակությունն ունեցող մեկ այլ արձանագրություն՝ լեհերեն լեզվով («Այս տունը և նրա բնակիչներին օրհնիր, տէր, քո նախախնամությամբ»): Երկու արձանագրությունների հեղինակներն էլ, Զամոստյեում հաստատված հայերն են: Առաջին արձանագրության ժամանակը որոշված է.

երկրորդը դրվել է XVIII դարի սկզբներին: Պարզվել է, որ կան նաև նման բնույթի հայատառ-ղփչաղերեն արձանագրություններ, որոնց հեղինակն անդրադառնալու է առանձին հոդվածով:

Զամոստուկ քաղաքում հայերի կառուցած ղեղեցիկ քարե տները վերջին տասնամյակի ընթացքում դրավել են լեհ սրվեստագետների ուշադրությունը. այդ տները խնամքով նորոգվում, չափադրվում և ուսումնասիրվում են: Հայտնաբերված արձանագրությունները կարող են նպաստել այդ ուսումնասիրություններին:

Հայտնի է, որ ինչպես տեսնում հաստատված հայերի ժամանակի ընթացքում հետզհետե մոռացել են իրենց մայրենի լեզուն և խոսել ու գրել են ղփչաղերեն (պոլովեցերեն) և ապա՝ լեհերեն: Հայտնաբերված արձանագրություններն ինչ որ չափով արտացոլում են լեզվական այդ իրավիճակը: Լեհերեն արձանագրությունը, որը գտնվում է Զամոստյեի Հայկական փողոցի № 20 տանը, թվով չափավոր, և թվով քերականական առումով միանգամայն համապատասխանում է հին լեհերենին, որն այն ժամանակ օգտագործվում էր ողջ ինչպես տեսնում: